

дов не был длителен: города переходили в руки землевладельческой знати и к концу XII в. этот процесс в основном завершился.

События 1204 г. явились прямым следствием политики 1082 г. Отдав венецианцам господство над экономикой страны, Византия уже не могла отнять у них привилегии.

Крестоносные завоеватели Константинополя в 1204 г. не сумели захватить в свои руки экономику страны, и латинские государства фактически не смогли придать блеска балканским территориям. Поскольку византийское общество все-таки оставалось значительно более образованным, чем завоеватели, то в сфере развития науки и общественно-политической мысли Византия ничего не могла от них получить. Только в Никейской империи византийский народ в последний раз попытался использовать культурные традиции для обновления разложившегося при Комнинах и Ангелах общества. Основная задача внутренней политики Никейской империи состояла в том, чтобы изъять экономику из рук италянцев не путем военного конфликта, а благодаря развитию собственного производства, при социальной опоре на мелких собственников. Необходимо было также возродить самосознание общества и укрепить пришедшую в упадок образованность. Никейские императоры были реалистически мыслящими политиками. Чувство реальности отличает как политику, так и религиозные и философские воззрения того времени. Однако в общем направлении развития византийской культуры не произошло существенных сдвигов. Доктрина православия по-прежнему возвышалась над всем. И у Никифора Влеммида, и даже у самого Феодора II Ласкариса видно, как теоретическую мысль сковывала боязнь запятнать христианское учение. Можно думать, что это отразилось и на так называемом Палеологовском ренессансе, ознаменовавшемся необычайным взлетом в искусстве. Реалистические тенденции лимитировались стремлением не нарушать чистоту учения, не отходить от внешне-обрядовой, эмоциональной, с мистическим налетом традиции в искусстве. После перехода Константинополя в руки византийцев при Михаиле VIII идея чистоты православия подверглась пересмотру. Михаил VIII, Георгий Акрополит и Иоанн Векк пошли на компромисс с папой во имя возвышения и укрепления империи — шаг, неслыханный в истории Византии. Однако суровое правление Михаила было непопулярно, и народные массы и клир фанатично вступились за чистоту вероучения. Ненависть к засилью венецианцев и генуэзцев подогревала эту борьбу, не давая правительству возможности маневрировать во внешней политике.

В XIV в. передовые люди византийского общества уже понимали, что отстают от Запада не только в военном и морском деле, в торговле и производстве, но даже и в разработке богословских доктрин, которые на Западе аргументировались более основательно; западные богословы более смело подходили к широким проблемам. Приходилось учиться у Фомы Аквинского — появились переводы его труда. Слабее было арабское влияние. Хотя византийцы оставались непосредственными соседями арабов, однако, если не считать медицинских книг, труды арабских философов не оказали на византийцев такого воздействия, как на ученых Запада. «Классицизм» в Византии в XIV в. стал еще более осязаемым — он оставался там интеллектуальной силой до тех пор, пока Запад не овладел полностью достоянием античного мира.

После Мириокефалона Византия стала страной, население которой было исключительно греческим. Это совсем изменило сущность Византии как государства. В римском праве *cives romanus* не зависел от национального происхождения. Византия — греческое государство — не считало себя греческой империей. И это безусловно снижало силу национального сопротивления внешним врагам. Самое слово «эллинский» употреблялось как архаизм. Эллинский патриотизм должен был проявиться особенно в